

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Мачнев И.П. Сравнительный анализ современных концепций гибридной войны // Конфликтология / nota bene. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.3.71180 EDN: MWCSLS URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71180

Сравнительный анализ современных концепций гибридной войны

Мачнев Илья Петрович

ORCID: 0009-0005-4343-2692

аспирант; кафедра мировой экономики, международных отношений и права; Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

630117, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 54

✉ ipmachnev@yandex.ru

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.3.71180

EDN:

MWCSLS

Дата направления статьи в редакцию:

02-07-2024

Дата публикации:

20-08-2024

Аннотация: Термин «гибридная война» на сегодняшний день является одним из активно обсуждаемых в контексте геополитических процессов, происходящих между странами коллективного запада с одной стороны, России и Китая с другой. Однако в научно-исследовательском поле существует множество различных теоретических концепций термина «гибридная война», что создает определенную терминологическую путаницу, что в следствие ведет к неполному пониманию такого термина. Тем самым, в данном исследовании были приведены, проанализированы и систематизированы зарубежные и отечественные концепции термина «гибридная война», а также была обозначена проблема политизации данного термина. Предметом исследования является анализ теоретических концепций термина «гибридная война». Объектом исследования является гибридная война. Целью исследования является выявление основных концепций

гибридной войны и их сравнение. Методологией исследования служат общенакальные теоретические методы, такие как анализ, обобщение, сравнение, дедукции и индукции, а также специальные методы, а именно метод критического анализа дискурса, метод исторического анализа и основные методы исторических исследований, в частности, сравнительно-исторический метод и типологизация. Результатами настоящего исследования являются раскрытие теоретических концепций зарубежных и отечественных ученых, а также их систематизация, сравнение и анализ их содержания в контексте дискурса. Новизна настоящего исследования заключается во всеобъемлющем сравнении и анализе различных концепций термина «гибридная война», что позволяет раскрыть понимание такого термина с точки зрения исследователей из стран Запада, так и из России. Не взирая на существующие концепции гибридной войны, делается вывод, что вопрос, касающиеся понимания такой войны остается дискуссионным. В заключение данного исследования стоит отметить, что данная работа будет являться полезным подспорьем для углубленного теоретического исследования в области гибридных войн, поскольку в настоящем исследовании указываются и систематизируются основные научные труды, касающиеся изучения таких войн, а также анализируется их содержание.

Ключевые слова:

гибридная война, гибридная угроза, конфликт, дискурс, политизация, концепция, война, безопасность, противостояние, стратегия

Введение.

Межгосударственный конфликт как явление представляет собой причину крупных трагедий, оставляющие глубокие травмирующие следы в истории. Нынешнее время не является исключением, хоть конфликты и поменяли свою сущность, маскируясь под латентные формы. Несомненно, количество конфликтов на сегодняшний день снизилось, однако растет их продолжительность, что негативно сказывается не только на региональной, но и на международной безопасности [\[21\]](#).

Предметом международных отношений являются связи и взаимоотношения между субъектами таких отношений на международной арене. Возникающие противоречия интересов подобных субъектов в конечном итоге могут вылиться в международный конфликт [\[18, с. 197-198\]](#).

Сущность межгосударственных конфликтов состоит из нескольких элементов. Первым элементом является их субъектный состав (в качестве субъектов выступают государства, коалиции и объединения), вторым их политический характер (плоскость принимаемых решений на уровне государства является политической), третьим их опасностью (последствия в виде гибели людей), четвертым их основой в продвижении интересов определенных субъектов (столкновение национальных интересов порождает конфликтную ситуацию) и пятом их влияние на международную безопасность в целом (локальный конфликт может порождать нестабильность на международной арене) [\[18, с. 200-201\]](#). Тем самым, можем сделать вывод, что межгосударственный конфликт исходит из модели вооруженного насилия или насильтственного конфликта.

Очевидно, что на сегодняшний день прямые масштабные военные кампании утрачивают свое прежнее значение, поскольку объективные причины в виде экономической взаимоза-

ависимости между субъектами международных отношений и наличия ядерного оружия у определенных стран, диктуют необходимость изменения тактики ведения войн. Такие изменения, в первую очередь, заключаются в овладении стратегической инициативой, направленной на дезорганизацию государственного и военного управления [\[16, с. 45\]](#).

В ответ на такие изменения появляется термин «гибридная война», что, однако, вызывает концептуальную путаницу, возникающую при попытке понять сам феномен гибридной войны. К сожалению, данное обстоятельство приводит к определенным проблемам понимания данного феномена. Рассмотрим некоторое количество исследований и работ, затрагивающих попытки концептуализации гибридной войны.

Теоретическая база и методы.

Основная теория, на которой строится настоящее исследование, является теория конструктивизма [\[24\]](#). В качестве методологии автором использовался, прежде всего, системный подход, применяющийся для упорядочивания приведенных концепций гибридных войн в рамках целостного комплекса предмета настоящего исследования. Кроме того, с помощью методов теоретического и эмпирического характера, таких как анализ, обобщение, сравнение, дедукции и индукции проанализировано основное содержание концепций гибридных войн. В процессе работы над настоящим исследованием были использованы сравнительно-исторический метод, в том числе метод типологизации, а также метод критического анализа дискурса, которые в совокупности позволили рассмотреть все концепции гибридных войн, отражая их основные отличия и делая определенные выводы.

Степень научной разработанности темы.

Источниковую базу настоящего исследования составили труды зарубежных и отечественных авторов. Проблематика концептуального понимания термина «гибридная война» существует уже достаточное количество времени, до настоящего времени нет единой, принятой официальной доктрины, которая бы поставила точку в дискурсе понимания данного феномена. Глубина и широта научного охвата свидетельствуют о тщательном исследовании и сложностей, связанных с попыткой концептуализации термина «гибридная война» в рамках международной безопасности. В частности, приведены труды таких зарубежных авторов как Hoffman F. G., Glenn R. W., Bond M. S., McCuen J. J., Solmaz T. и др. В качестве трудов отечественных ученых приведены работы Бартоша А. А., Лукьянова В. Ю., Манойло А.В., Панарин И. Н. и др.

Концепции гибридных войн в зарубежной науке.

Ключевой отправной точкой по появлению термина «гибридная война» является издание Френком Хоффманом его труда «Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars» в 2007 году, в котором предприняты первые попытки концептуализации феномена гибридной войны. В частности, в нем Ф. Хоффман указывает, что гибридная война – это ряд различных способов ведения боевых действий, включающих в себя конвенциональные военные силы и средства, иррегулярные тактики и формирования, террористические акты, неизбирательное насилие и принуждение, а также беспорядки [\[7, р. 29\]](#). В качестве характеристики такой войны он указывает, что она сочетает в себе летальность, фанатичность и затяжную продолжительность.

Однако, Ф. Хоффман отмечает, что на разработку такой концепции оказало влияние публикация Стратегии национальной обороны (National Defense Strategy) Соединенных Штатов Америки (далее – США) в марте 2005 года. Эта стратегия обозначила новые подходы к

реагированию на угрозы исходящих из вне в сторону США, поскольку военное превосходство США вынуждает ее противников использовать иные, нетрадиционные или асимметричные способы и методы [7, р. 13].

Аналитическая статья «Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars», написанная генералом-лейтенантом Джеймсом Н. Мэттисом Корпуса морской пехоты США, а также резервистом Корпуса морской пехоты США Ф. Хоффманом в ноябре 2005 года подтверждает необходимость в обновлении стратегии реагирования на новые угрозы в отношении США [11]. Авторы отмечают, что гибридная война – это некий синтез различных способов и средств войны.

Публикация Стратегии национальной обороны в марте 2005 года включала классификацию ряда угроз, которые могут потенциально воздействовать на национальную безопасность США:

- 1) Традиционные вызовы создаются государствами, использующие признанные военные возможности и силы в хорошо понятных формах военной конкуренции и конфликта;
- 2) Нестандартные вызовы исходят от тех, кто использует «нетрадиционные» методы для противодействия традиционным вызовам сильных государств;
- 3) Катастрофические вызовы включают приобретение, владение и применение оружия массового уничтожения (далее – ОМУ) или методов, вызывающих эффекты, подобные ОМУ;
- 4) Подрывные вызовы могут исходить от противников, которые разрабатывают и используют прорывные технологии, чтобы свести на нет нынешние преимущества США в ключевых операционных областях [13].

По мнению Ф. Хоффмана главное отличие гибридной войны от других войн – это наличие применяемых компонентов (регулярных и нерегулярных) в едином боевом пространстве. Так называемый мультимодальный подход (сочетания различные компоненты) направлен не для подготовки сил к решающему «горячему» сражению, а на продвижение сил по фазам. Одним из важных разрушительных компонентов является преступность, которая служит поддержкой гибридных сил или для содействия беспорядкам и разрушениям в стране-цели [7, р. 29-30].

Тем самым, резюмируя подход Ф. Хоффмана, стоит отметить, что феномен гибридной войны создан для рационализации угроз исходящих из вне в отношении США. Данный подход был актуален для 2000-х гг., поскольку возросший терроризм и как его следствие террористические акты, были для США той самой ахиллесовой пятой в национальной безопасности [15, с. 188].

Несмотря на то, что работа Ф. Хоффмана является одной из ключевой вехой на научном поприще, другой ученый Тьерри Браспеннинг рассматривал понятие гибридной войны еще в 2001 году. Отличительная особенность работы Т. Браспеннинга заключается в его подходе с конструктивистских позиций. В частности, в своей работе «Социально-конструктивистская теория тупиковой ситуации в гибридных войнах» (Theorie sociale-constructiviste de l'enlisement des guerres hybrides) автор пишет, что «государства или другие – являются социальными конструктами и продуктами сложного исторического процесса, имеющего социальные, политические, материальные и идеологические измерения» и в силу этого «акторы конституируются через политические практики, которые создают интерсубъективн

ые понимания». Таким образом, с точки зрения такого подхода, гибридная война является взаимоотношением между акторами, действующими в соответствии с образами и идентичностью проецируемыми другими (разными системами видения мира), что усложняет процесс примирения сторон [\[2\]](#).

Стоит отметить, что некоторые ученые используют для описания гибридных войн различные термины, например «гибридные угрозы», «гибридные конфликты» и «гибридные военные действия». На первый взгляд, синонимичные термины все-таки составляют некое единное целое, относящихся именно к гибридной войне, однако это не совсем так. Некоторые термины могут обозначать рамки действий, ограничиваясь конкретным уровнем войны (тактический, оперативный, стратегический) [\[6\]](#). В данной связи следует остановиться на наиболее часто употребляемых терминов и их трактовке.

Другой автор, полковник Джон МакКуэн, консультант по иррегулярным войнам, противоповстанческим действиям и гибридным войнам, магистр международных отношений в Школе международных отношений Колумбийского университета, в своей работе «*Hybrid Wars*» 2008 года утверждал, что гибридные войны «хотя по форме они являются обычными, решающие сражения в современных гибридных войнах ведутся не на обычных полях сражений, а на асимметричных полях сражений среди населения зоны конфликта, населения тыла и населения международного сообщества. Нерегулярные, асимметричные бои, ведущиеся среди этих групп населения, в конечном итоге определяют успех или поражение» [\[12, р. 107\]](#). Тем самым, для него гибридная война – это противостояние с вооруженным противником и более широкое противостояние за контроль и поддержку населения (составляющих определенную местность), поддержку притязаний иных стран и поддержку международного сообщества по вопросам, касающихся цели конфликта. По его мнению, ключевым моментом является сохранение легитимности и минимизация потерь для осуществления внутренней поддержки со стороны населения, при этом осуществляя его зачистку, контроль и контрорганизацию.

Другой автор Маргарет Бонд, комиссар в Суде США по рассмотрению дел военных комиссий, развивает подход Ф. Хоффмана, поддерживая создание новых стратегий по использованию вооруженных сил США (далее – ВС США) в эпоху новых вызовов для национальной безопасности США. В частности, в своей работе «*Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States*» 2007 года, автор указывает, что ВС США требуется, помимо силовой составляющей, также производить нормализацию послевоенной обстановки и восстановлении экономики страны-цели. По ее мнению, такие методы также способствуют ненасильственным методам экономического и политического давления на недружественные правительства. Тем самым, М. Бонд под гибридной войной понимает проецирование всех элементов национальной мощи на континuum действий: от операций по обеспечению стабильности, безопасности и реконструкции; и до вооруженной борьбы [\[1\]](#).

Рассел Гленн, Директор по планам и политике, командованием подготовки и доктрины армии США, в своей работе «*Thoughts on “Hybrid” Conflict*» 2009 года, определяет «гибридную угрозу» с точки зрения субъектности, то есть гибридная угроза – это некий противник, прибегающий к определенной комбинаторике средств (политические, военные, экономические, социальные и информационные), методов (конвенциональных, нерегулярных, катастрофических, террористических и подрывных) и способов ведения войны, включающих участие как государственных так и негосударственных акторов [\[5, р. 16\]](#). Подобно Ф. Хоффману, автор рассматривает данный термин в свете его применимости к вызовам безопасности США.

Таким образом, термин «гибридная война» изначально рассматривался с точки зрения в вызова национальной безопасности США, отмечая наиболее вероятные и актуальные угрозы для того времени. Кроме того, антагонизм, исходящий от гибридной войны, втягивал в то время не только насильственные конфликты, но и также ненасильственные, захватывая в свой континуум население, информационные пространства, кибератаки, оппозиционные движения. Главной отличительной чертой понимания гибридной войны в 2000-х гг. считается фиксация на национальной безопасности, избегая последствий ведения гибридной войны для международной безопасности.

В стратегическом дискурсе Запада концепция гибридной войны продолжила свое развитие, что отразилось на ее понимании. Зачастую, сегодня многие западные политики, исследователи, эксперты аналитических центров и средства массовой информации используют термин «гибридная война» для обозначения лишь ненасильственных подрывных действий. Такой факт свидетельствует о том, что происходит переосмысление данной концепции, поскольку изначально она имела строго военную направленность [\[14\]](#).

Так, после событий на Украине в 2014 году случился новый виток развития концепции гибридной войны. Организация Северо-Атлантического Договора (далее – НАТО) 1 июля 2014 года опубликовала видеоролик, где на официальном уровне был использован термин «гибридная война» в контексте ситуации на Украине [\[9\]](#). В дальнейшем на Уэльском саммите НАТО в сентябре 2014 года термин «гибридная война» был произнесен несколько раз для описания российской агрессии на Украине [\[23\]](#). Данные взаимосвязанные события следует оценивать с политической точки зрения, поскольку фиксация субъектов и объектов гибридной войны в контексте заявлений НАТО является ничем иным как политическим заявлением с целью усиления коллективной обороны и инвестиций, углублении партнерских отношений и прочих соответствующих целей.

НАТО в своей статье «Countering hybrid threats» определяет гибридные угрозы, как сочетание в себе военных и невоенных, скрытых и открытых средств, включая дезинформацию, кибератаки, экономическое давление, развертывание нерегулярных вооруженных формирований и использование регулярных сил. Помимо определения, в данной статье НАТО проводит анализ своего опыта противодействия гибридным угрозам, в частности, они приводят в пример Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия) и Китайскую Народную Республику (далее – КНР, Китай), где РФ, по мнению НАТО, использует гибридные стратегии, такие как политическое вмешательство, злонамеренную кибердеятельность, экономическое давление и принуждение, подрывную деятельность, агрессию и аннексию; Китай, по мнению НАТО, использует гибридные операции, включая попытки контролировать ключевые технологические и промышленные сектора, критически важную инфраструктуру, а также стратегические материалы и цепочки поставок. Для противодействия гибридным угрозам НАТО использует центры экспертных знаний, поддерживая союзников в различных областях, связанных с противодействием таким угрозам [\[3\]](#).

В результате совместного коммюнике Европейской комиссии и Верховного представителя Европейского парламента и Совета «Совместные рамки противодействия гибридным угрозам – ответ Европейского союза» [\[10\]](#) была предложена инициатива по созданию Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам (далее – Гибридный Совет Европы). Гибридный Совет Европы был создан в Хельсинках в 2016 году Меморандумом о взаимопонимании по созданию Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам [\[4\]](#).

Гибридный Совет Европы — это международная автономная сетевая организация, продвигающая

игающая общегосударственный и общественный подход к противодействию гибридным угрозам. Миссией данной организации является укрепление безопасности государств-участников и организаций путем предоставления экспертных знаний и обучения методам противодействия гибридным угрозам [\[8\]](#).

Гибридный Совет Европы под гибридной угрозой понимает вредоносные действия, направленные на подрыв цели (государства или политический институт) с помощью различных средств, часто комбинированных. К таким средствам организация относит «манипулирование информацией, кибератаки, экономическое влияние или принуждение, скрытое политическое маневрирование, дипломатия принуждения или угрозы применения военной силы» [\[8\]](#). Что характерно, данная организация отличает термины «гибридная угроза» и «гибридная война», где прямо отмечает «гибридные угрозы описывают широкий спектр вредоносных действий с различными целями, начиная от операций влияния и вмешательства и заканчивая гибридной войной». К сожалению, данная организация не поясняет такие установки, но как нам видится, разграничение данных терминов происходит в силу того, что «гибридной угрозой» является некое действие, когда как термин «гибридная война» является описанием конкретного типа войны.

Несмотря на полезность существования Гибридного Совета Европы как экспертного центра, стоит обратить внимание на его политизацию. Данная организация указывает в качестве субъектов гибридных угроз авторитарные государства (подчеркивая Россию, Китай и Иран) и негосударственных акторов. А в качестве «светоча» противодействия гибридным угрозам приводит демократические государства (подчеркивая страны Коллективного запада). Такое мышление в категориях аксиом заведомо подрывает доверие и тягу к сотрудничеству с иными странами и не способствует конструктивному взаимодействию в рамках экспертного анализа и противодействию гибридным угрозам.

Резюмируя западные подходы к пониманию феномена гибридной войны, отметим, что такие подходы характеризуются, прежде всего, с точки зрения геополитических интересов США и стран НАТО, где во главе угла позиционируется национальная и коллективная безопасность. Неудивительно, что нынешний дискурс гибридной войны западных стран сводится к агрессии РФ против Украины, при том, что эти же страны поддержали государственный переворот в Украине, что вполне подходит под методы гибридной войны, описаны Маргарет Бонд в работе «*Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States*» [\[11\]](#).

Концепции гибридных войн в отечественной науке.

В российской науке на сегодняшний день существует крайне малое количество качественных и объемных исследований на тему гибридных войн. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что феномен гибридной войны является идеологизированным по причине геополитического противостояния. Очевидно, что российско-украинский конфликт, начавшийся в 2014 г. порождает определенный нарратив у западного научного и экспертного сообщества, как и у российского. Тем самым, такие обстоятельства добавляют еще большие трудности для понимания что такое феномен «гибридная война», в том числе в российской науке.

Рассматривая научный подход к пониманию гибридных войн в отечественной науке, можно отметить В. Ю. Лукьянова, который определяет такую войну, как сочетание военных (насильственных) и ненасильственных методов воздействия на противоборствующее государство, используемых прежде всего в области пропаганды, вызывающих разрушение культурно-цивилизационной основы общества [\[19, с. 6\]](#). По мнению автора, целью такой вой-

ны заключается в установлении тотального контроля над противником. Методы для достижения указанной цели заключаются в культурно-социальной плоскости, относящихся к манипулированию массовым сознанием и упразднению традиционных ценностей. Тем самым, Лукьянов рассматривает гибридную войну в контексте «цветных революций», а именно вмешательства во внутренние дела государства другим государством.

И. Н. Панарин определяет гибридную войну, как «совокупность методов военно-силового, политico-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или транснациональных корпораций» [\[22, с. 20-22\]](#).

Согласно А. А. Бартошу, гибридная война — это скоординированное использование страны-агрессором многочисленных видов (инструментов) насилия, нацеленных на уязвимые места страны-мишени с охватом всего спектра социальных функций для достижения синергетического эффекта и подчинения противника своей воле [\[17, с. 9\]](#).

А. В. Манойло, напротив, разделяет понятия «гибридная война» и «цветная революция». Автор определяет гибридную войну следующим образом: «гибридные войны предполагают комбинированное использование стратегий, характерных для различных видов современных войн – традиционной, информационной, идеологической, экономической, для нанесения ему военного поражения, для поражения сил и средств противника, достижения над ним военно-стратегического превосходства и силового принуждения к миру на условиях победителя» [\[20, с. 920\]](#). По мнению автора, целью гибридной войны является классическая цель традиционной войны – военное поражение, уничтожение и капитуляция противника. Иные цели автор категорически отвергает, поскольку иначе понятие гибридной войны размывается и приобретает спекулятивную окраску [\[20, с. 921\]](#). Трудно с ним не согласиться, поскольку термин «гибридная война» не должен быть «резиновым» и использовать различные терминологические приемы, плодя бесконечное количество определений данного термина.

Особое внимание необходимо уделить событию или по-другому назвать явлению, названному «Доктрина Герасимова». «Доктрина Герасимова» подразумевает под собой, по мнению зарубежных специалистов, внешнеполитическую программу, которая содержит в себе переосмысление современных военных конфликтов и способов их ведения, что указывает на возможную концептуализацию гибридной войны [\[25\]](#). В основу вышеуказанной доктрины положена работа начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первого заместителя министра обороны, генерала армии Валерия Васильевича Герасимова «Ценность науки в предвидении» в «Военнопромышленном курьере» 2013 года. Работа В. В. Герасимова основывалась на его же докладе «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию», прочитанной в конце января 2013 года на общем собрании Академии военных наук [\[26\]](#). В. В. Герасимов в своей работе отмечал, что «В XXI веке, прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись — идут не по привычному нам шаблону. Опыт военных конфликтов, в том числе связанных с так называемыми цветными революциями в Северной Африке и на Ближнем Востоке, подтверждает, что вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной и

нтервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны ». Учитывая его заключения, можем отметить, что автор делает акцент о возросшей роли невоенных методов (политические, экономические, информационные, гуманитарные и т. д.), используемых, в том числе, совместно с воздействием протестного потенциала населения. Помимо этого, автор констатировал, что российская военная наука (на момент публикации работы В. В. Герасимова в 2013 году) не поспевает за изменениями, сложившимися в результате развития новейших технологий, дающих возможность дистанционное бесконтактное взаимодействие с потенциальными противниками.

Таким образом, мы допускаем, что содержание работы В. В. Герасимова в действительности можно интерпретировать как описание элементов гибридной войны. Тем не менее, работа автора носит научный характер, относящийся к военным наукам. Но, некоторая профессиональная зарубежная публика обратила внимание на работу В. В. Герасимова под другим углом. Зарубежная публика окрестила автора как основного теоретика и стратега действий России в конфликтах, в том числе гибридных [27]. Соответственно такой нарратив способствовал развитию «охлаждения» отношений между США и Россией, формируя образ врага в лице России для Коллективного запада.

Резюмируя российские подходы к пониманию феномена гибридной войны, можно отметить, что такие подходы не изобилуют новизной и декларируются стандартные понятия, которые свойственны западным коллегам-исследователям феномена гибридной войны. Единственное разительное отличие западного подхода к изучению гибридных войн, по нашему мнению, заключается в качестве и количестве исследований в данной области, в том числе наличие специализированных научных центров.

Заключение.

Таким образом, рассмотрев различные концепции гибридной войны у зарубежных и российских исследователей, можно сказать, что термин «гибридная война» является собирательным, включающим в себя способы, методы, цели ведения такой войны. Как мы указывали выше, дискурс вокруг гибридной войны на западе является наиболее объемлющим, что способствует развитию концепции «гибридной войны» в сторону теории, так и практики. В российской науке дискурс вокруг гибридной войны зачастую сводится к узкому рассмотрению этого термина без экспертной оценки на уровне государства (специализированных аналитических или научных центров), что в следствие оказывается на количестве и качестве исследований в данной области. Сам по себе феномен гибридной войны является актуальным ответом на современные реалии в международных отношениях, которые на сегодняшний день являются неопределенными, включая мировую террористическую угрозу, геополитическое противостояние Коллективного запада, России и Китая, а также развитие информационно-технологического сектора и глобальной экономики.

Библиография

1. Bond M. S. «Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States», Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, March 30, 2007. 25 p.
2. Braspenning T. Theorie sociale-constructiviste de l'enlisement des guerres hybrides. / CENTRE D'ANALYSE DES CRISES ET CONFLITS INTERNATIONAUX 26 p.
3. Countering hybrid threats [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm#:~:text=To%20deter%20hybrid%20threats%2C%20NATO,its%20deterrence%20and%20defence%20posture (дата обращения 01.05.2024).
4. European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats established in Helsinki

- [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/10616/eurooppalainen-hybridiuhkien-osaamiskeskus-perustettiin-helsingiin> (дата обращения 01.05.2024).
5. Glenn R. W. «All Glory Is Fleeting: Insights from the Second Lebanon War», Santa Monica, Published by the RAND Corporation, 2012. 119 p.
 6. Glenn R. W. «Thoughts on Hybrid Conflict» // Small Wars Journal, [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.smallwarsjournal.com/jml/art/thoughts-on-hybrid-conflict, (дата обращения 01.05.2024).
 7. Hoffman F. G., Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Potomac Institute for Policy Studies Arlington, Virginia, 2007. 72 p.
 8. Hybrid CoE [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://www.hybridcoe.fi/](http://www.hybridcoe.fi/) (дата обращения 01.05.2024).
 9. Hybrid war-hybrid response [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/07/01/hybrid-war-hybrid-response/index.html> (дата обращения 01.05.2024).
 10. JOINT COMMUNICATION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL Joint Framework on countering hybrid threats a European Union response [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018> (дата обращения 01.05.2024).
 11. Mattis J. N., Hoffman F. G., U.S. Marine Corps Reserver «Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (дата обращения 01.05.2024).
 12. McCuen J. J. «Hybrid Wars». Military Review Mar/Apr 2008. 88(2). С. 107-113.
 13. Rumsfeld D. H. «The National Defense Strategy of the United States of America», Washington, D.C., March 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Defense-Strategy/> (дата обращения 01.05.2024).
 14. Tarik Solmaz, «Hybrid Warfare: One Term, Many Meanings» // Small Wars Journal, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-warfare-one-term-many-meanings> (дата обращения 01.05.2024).
 15. Бартенев В. И. Влияние событий 11 сентября 2001 г. На политику США в сфере содействия международному развитию // Международные отношения и мировая политика. – 2011. Сер. 25. – № 3. – С. 184-218.
 16. Бартош А. А. Парадигма гибридной войны // Вопр. безопасности. 2017. № 3. С. 44-61.
 17. Бартош А.А. Туман гибридной войны: Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М.: Горячая линия – Телеком, 2019. 324 с.
 18. Зеленков, М. Ю. Социальная конфликтология (базовый курс) / М. Ю. Зеленков. – М.: Юридический институт МИИТа, 2011 – 272 с.
 19. Лукьянов В. Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 5-14.
 20. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929.
 21. Новая эра конфликтов и насилия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/un75/new-era-conflict-and-violence> (дата обращения 01.05.2024).
 22. Панарин И. Н. Гибридная война: теория и практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2017. 402 с.
 23. Саммит НАТО в Уэльсе: основная информация [Электронный ресурс] – Режим

- доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112107.htm (дата обращения 01.05.2024)
24. Nicholas G. O., *World of Our Making*, Columbia: University of South California Press, CA, 1989. 352 р.
25. McKew M. The Gerasimov Doctrine // POLITICO Magazine. 05.09.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/09/05/gerasimov-doctrine-russia-foreignpolicy-215538> (дата обращения: 23.07.2024)
26. Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476).
27. Плеханов И. «Доктрина Герасимова» и пугало «гибридной войны» России // РИА Новости. 28.06.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20170628/1497445931.html> (дата обращения: 21.07.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает концепт гибридной войны и его трактовки в современной теории войн и военных конфликтов. Учитывая всё более широкое распространение на планете данного типа конфликтов, актуальность выбранной автором темы для исследования следует признать достаточно высокой. Методология исследования... отсутствует. К сожалению, автор полностью проигнорировал свою обязанность должным образом отрефлексировать теоретико-методологические основания собственного исследования, ошибочно полагая, что пересказ нескольких научных статей может заменить применение научной методологии. Это не могло не сказаться на качестве полученных в процессе исследования результатов. Оценить новизну выводов вроде «термин "гибридная война" является собирательным, включающим в себя способы, методы, цели ведения такой войны» в отсутствие методологической представляется весьма проблематичным. В структурном плане работа также далеко не безупречна – в ней отсутствуют тематические блоки, и мысль автора движется излишне свободно. Условно можно выделить вводную часть, где автор ставит научную проблему и аргументирует её актуальность, основную часть, где достаточно хаотично изложены пересказы нескольких статей, посвящённых проблематике «гибридной войны» (удивление вызывает отсутствие упоминаний статьи начальника Генштаба ВС России В.В. Герасимова), и заключительная часть, где в терминах «узкий» и «широкий» излагаются результаты проведённого «исследования». Стиль статьи также нельзя назвать научным. Фактически, речь идёт о конспекте с некоторыми элементами анализа. Кроме того, в тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, не очень удачные стилистические решения «хоть и конфликты поменяли свою сущность» (вместо «хоть конфликты и поменяли свою сущность»); другой пример: «Ключевой отправной точкой по появлению термина»; кроме того, текст изобилует плеоназмами вроде «может вылиться в гипотетический конфликт» и тавтологиями вроде «изначально начал», а также употреблением слов, смысла которых автор явно не понимает, например: «Отличительная особенность работы Т. Браспеннинга значится [кем «значится»?] в его подходе...»; и др.) и грамматических (например, первое же предложение не согласовано: «Межгосударственный конфликт... представляЕт собой причину..., оставляющIE глубокие травмирующие следы в истории»; встречается множество и других несогласованных предложений: «...Международные отношения отвечают за связи и взаимоотношения между субъектами на международной

арене, в которых может прослеживаться интересы того или иного субъекта...»; или пропущенные тире, замещающие отсутствующее сказуемое: «вторым их политический характер», «третьим их опасностью», «четвертым их основой в продвижении интересов»; и др.) ошибок, что и стало решающим аргументом при принятии решения об отправке статьи на доработку. Встречаются и терминологические проблемы. Так, автор по непонятной причине противопоставляет понятия «конфликт» и «война», когда говорит о том, что «современные конфликты поменяли свою сущность, маскируясь под такими терминами как "прокси-война", "гибридная война", "информационная война"». Война это и есть одна из форм открытого конфликта, и противопоставлять эти феномены на основании прилагательных «гибридный», «информационный» и т. д. не совсем верно. Есть и просто бессодержательные в концептуальном и невразумительные в стилистическом смыслах тавтологии вроде «Межгосударственные конфликты являются частью международных отношений, поскольку международные отношения отвечают за связи и взаимоотношения между субъектами на международной арене, в которых может прослеживаться интересы того или иного субъекта, что в конечном итоге может вылиться в гипотетический конфликт». Как из того факта, что в международных отношениях имеют место быть межгосударственные конфликты, следует, что международные отношения «отвечают [почему «отвечают?】 за связи и взаимоотношения»? Скорее, наоборот, предметом международных отношений являются связи и сношения между государствами, но противоречащие друг другу интересы государств нередко приводят к конфликтам. Автор всё поменял местами, и в результате этой процедуры рассматриваемый фрагмент начисто лишился смысла. К сожалению, примеры можно было бы умножить. Библиография насчитывает 23 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в достаточной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи, хотя и имеет лакуны, которые упоминались выше. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки нельзя квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на высокую актуальность и научную значимость выбранной автором темы, автор не смог сформулировать научную проблему должным образом (поместив её в конкретный контекст научной теории), подобрать адекватные для исследования этой проблемы методы и получить научно значимые результаты. Дело ограничилось конспектом и некоторыми выводами и наблюдениями автора.

По этой и другим причинам рецензент рекомендует отправить статью на доработку для устранения следующих недостатков:

- полное отсутствие теоретико-методологической базы исследования, что не позволяет сделать выводы о научной новизне полученных результатов;
- хаотичная структура изложения материала;
- крайне неряшливо написанный текст, содержащий недопустимо большое количество стилистических и грамматических ошибок.

В целом, после должного оформления, полученные автором результаты могут представлять интерес для политологов, социологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

С древнейших времен войны сопровождали историю человечества, регулярно оказываясь в поле зрения философов и военных теоретиков. Всем памятен трактат Сунь-цзы «Искусство войны», в котором автор пишет: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него». Разумеется, за тысячи лет истории появлялись как новые виды вооружений, так и новые типы войн. Неудивительно, что внимание к так называемым «гибридным» войнам сегодня достаточно велико.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются гибридные войны. Автор ставит своими задачами проанализировать концепции гибридных войн в отечественной и зарубежной науке, а также определить тот смысл, который теоретики вкладывают в данное понятие.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать различные подходы к термину «гибридная война».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых источников отметим электронные ресурсы различных организаций, в том числе ООН и НАТО. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды И.Н. Панарина, А.В. Лукьянова, А.В. Манойло, Р. Гленна, Ф. Хоффмана и других специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения гибридных войн. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как военной историей, в целом, так и гибридными войнами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «на сегодняшний день прямые масштабные военные кампании утрачивают свое прежнее значение, поскольку объективные причины в виде экономической взаимозависимости между субъектами международных отношений и наличия ядерного оружия у определенных стран, диктуют необходимость изменения тактики ведения войн». Анализируя западные подходы к пониманию феномена гибридной войны, автор показывает, что они «характеризуются, прежде всего, с точки зрения геополитических интересов США и стран НАТО, где во главе угла позиционируется национальная и коллективная безопасность». Резюмируя российские

подходы к пониманию феномена гибридной войны, автор полагает, что «такие подходы не изобилуют новизной и декларируются стандартные понятия, которые свойственны западным коллегам-исследователям феномена гибридной войны».

Главным выводом статьи является то, что «феномен гибридной войны является актуальным ответом на современные реалии в международных отношениях, которые на сегодняшний день являются неопределенными, включая мировую террористическую угрозу, geopolитическое противостояние Коллективного запада, России и Китая, а также развитие информационно-технологического сектора и глобальной экономики».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий гибридных войн.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».